В классе несколько учителей и малышей столпились вокруг прямоугольного стола. На столе стоял розовый двухъярусный торт, покрытый глазурью. Торт выглядел красиво.

— Ну что, дети, давайте все вместе споем песню ко дню рождения Мэнмэн, хорошо?

Дети хором воскликнули:

— Хорошо!

«С днём рождения тебя, с днём рождения тебя, с днём рождения тебя»

Как можно описать настроение Жун Тина в этот момент? Он сожалел, что находится здесь, очень сожалел. По какой-то причине такая атмосфера не согревала его, а, наоборот, вызывала невыразимое смущение. Он отчаянно хотел сбежать отсюда. Да, он не должен оставаться здесь! Он пытался совладать с собой, но уже чувствовал, как по его рукам бегут мурашки.

Минуты текли мучительно медленно.

В классе снова зажегся свет, и поздравительная песня, которая невероятным образом пронзала уши, стихла. Жун Тин тихо вздохнул с облегчением.

Он подумал, что разочарует императрицу-мать. Он никогда не станет таким, как местные дети

Учитель английского языка Хелен разрезала торт, давая каждому ребенку по большому куску. Когда подошла очередь Жун Тина, учитель спросил его, какой кусочек он хочет.

Он ответил с невозмутимым видом:

— Без разницы.

Этот глазированный торт действительно был прекрасен.

Учитель Хелен не могла не рассмеяться:

— Ты такой скромный.

Все знали, что это день рождения Мэнмэн. Ребята очень обрадовались этому и посчитали, что нужно обязательно подарить ей подарки. Кто-то подарил ей брелок от своего рюкзака, кто-то дал ей леденец. Как говорится, главное не подарок, а внимание. Мэнмэн тоже была очень счастлива. Она была крайне замкнутым ребенком, но сегодня на ее лице была счастливая и уверенная улыбка.

Жун Тин видел, как другие дети дарят подарки, но не знал, что сам может подарить. У него в сумке был якульт, но он не хотел его доставать.

Он также не хотел отдавать брелок, его подарила императрица-мать.

Немного подумав, Жун Тин просто нашел учителя Хелен и спросил ее:

— Учитель, здесь есть четыре сокровища познания? Я имею в виду, есть ли кисти и рисовая бумага для каллиграфии?

П.п.: Жун Тин сначала сказал «□□□□», то есть «четыре сокровища познания» — кисть, чернила, бумага и чернильный камень.

В школе были курсы каллиграфии, и учитель Хелен дружила с преподавателем каллиграфии, поэтому она быстро одолжила несколько кистей и бумагу.

Жун Тину не очень понравилась эта кисть, но он все равно подошел к столу. Он искоса взглянул на Мэнмэн.

Он едва знал её. Если быть точным, он ни разу не перекинулся с ней и словом.

Но он все-таки съел ее торт, так что должен был обязательно приготовить ей подарок на день рождения.

Подумав об этом, он взял кисть и написал на рисовой бумаге четыре иероглифа — «яркий» и «сообразительный».

Малыши в группе не могли оценить качество работы, они думали только о том, что Жун Тин действительно владеет каллиграфией, и это было просто потрясающе.

Учитель каллиграфии и учитель Хелен обменялись взглядами, увидев одинаковое удивление в глазах друг друга.

— Лэнс, ты знаешь каллиграфию? Почему твоя мама не упомянула об этом?

Жун Тин невольно нахмурился, когда услышал это английское имя.

Он не знал, почему, когда у него явно было своё имя, учитель Хелен дала ему… английское имя?

— Учился немного, — очень скромно ответил Жун Тин.

— Но, должно быть, не так уж и немного? Кто тебя учил?

— Мой папа. — Затем всегда холодный и отчужденный Жун Тин добавил: — Каллиграфия моего отца особенно прекрасна.

Трудно представить, чтобы пяти- или шестилетний ребенок мог обладать такими навыками без строгого воспитания с самого раннего возраста.

Жун Тин был не из тех, кто первым начинал общение, но у него, вероятно, была определенная харизма, поэтому он нравился всем детям. Его не избегали в классе. Раньше он не любил обращать внимание на одноклассников, чувствуя, что не сможет разговаривать с этими детьми, но со временем стал изредка отвечать, не смущая других, даже если это был ребенок.

Сун Юйань и Жун Хэн спустились вниз, но никто из них не решился первым нарушить молчание.

Если Сун Юйань и чувствовала эмоциональное воздействие — можно даже назвать это приятным впечатлением, — то оно значительно убавилось после результатов теста на отцовство.

Они вышли из здания, и ледяной, пронизывающий до костей ветер заставил Сун Юйань вздрогнуть.

Жун Хэн замедлил шаги и вдруг спросил ее:

— Вы действительно хотите уехать отсюда?

Услышав, как он внезапно заговорил, Сун Юйань замерла, а затем рассмеялась сама над собой.

— На самом деле я робкий и боязливый человек. Я не осмеливаюсь делать такие вещи, как храбро настаивать на своём, и я никогда этого не делала. Я боюсь причинить ненужные неприятности своей семье. Мне всё равно, если вам это покажется смешным. Сейчас я очень довольна своей жизнью, и я не хочу, чтобы кто-то нарушал этот покой.

— Мне не нравится климат и ритм жизни в городе Б. Я приехала сюда, потому что здесь хорошие условия для образования, а сейчас ситуация изменилась. Город Б нам не подходит.

— Вы сказали, что хотите взять на себя ответственность быть отцом, но разве вы не утратили память? Вы его даже не помните.

Сун Юйань знала, что в этом мире много ответственных людей, но у нее все еще были сомнения на его счет. Может ли любовь отца быть такой же, как любовь матери?

Жун Хэн остановился и посмотрел на нее.

— Разве вы тоже не забыли его? И всё равно взяли на себя родительские обязанности.

— Я тоже хотела сбежать. Я вообще ничего не помнила, и вдруг приходит ребенок и говорит, что я его мама. И оказалось, что я действительно его мама. Думаете, я не хотела сбежать? Я не могу так поступить, — Сун Юйань посмотрела прямо на него. — Если бы я сбежала и оставила его одного, как вы думаете, что ему оставалось бы делать? Но ситуация, с которой вы столкнулись сейчас, отличается от той, что была у меня тогда. У меня нет выбора, но у вас он есть.

— Если бы я знал, что он мой сын, но не заботился о нем и отнесся к этому так, будто ничего не произошло, разве я мог бы считаться человеком? — тон Жун Хэна был мягким, но Сун Юйань почувствовал необъяснимое давление.

Было ли это величием императора?

Сун Юйань не просто пряталась за спинами своих родителей и искала у них помощи. Она могла все ясно видеть.

— Разве у вас в древности не было поговорки «Планы родителей на любимого сына далеко идущие»? Но прямо сейчас в семье Се вы ходите по тонкому льду. Создать ситуацию, в которой есть шанс подвергнуть опасности своего сына и лишить его спокойной жизни — вы уверены, что так поступают хорошие отцы?

Жун Хэн молчал.

Он вдруг понял, что плохо ее знает.

Еще в древние времена, до того, как он раскрыл свою личность, он думал, что она не обычная женщина. Ее слова были смелыми, и она игнорировала социальный статус, иногда она не могла скрыть скуку посреди её окружения. После того как она узнала, кто он на самом деле, между ними возникла стена. Хотя были и приятные моменты, он знал, что она никогда не будет с ним так искренна, как раньше.

Он думал, что знал ее лучше всех. Понял ее чувства, переживания, радости и печали, понял ее симпатии.

Но именно после того, как он неожиданно переселился, он постепенно осознал, что видел только часть её.

Оказалось, что у неё тоже есть секреты.

Итак, за эти несколько лет вместе, сколько слов она оставила невысказанными, раздавленными в жерновах системы древней эпохи?

Видя, что Жун Хэн молчит, Сун Юйань умерила свой гнев.

Он все забыл.

Двое молчали, пока шли к воротам жилого комплекса. Сун Юйань уже заметила машину, припаркованную у дороги.

— Он…

Прежде чем Сун Юйань успела что-либо сказать, она услышала его слова:

— Будьте уверены, он не скажет ни слова.

— Хорошо, — Сун Юйань натянуто улыбнулась ему. — Сейчас поздно. Вам пора. Мне ещё нужно забрать Жун Тина.

— Хорошо, — Жун Хэн немного подумал и сказал: — Каким бы ни был ваш выбор, можете ли вы пообещать, что не уедете, не сказав ни слова?

Это был немного странный вопрос.

Сун Юйань засунула руки в карманы пуховика, согревая их.

— Конечно. Я не уйду, не предупредив вас.

Она не знала, было ли это плодом её воображения, или выражение лица Жун Хэна значительно смягчилось, когда она сказала это.

Когда Жун Хэн собирался уходить, Сун Юйань вспомнила сны, которые ей снились в последние несколько месяцев. Казалось, они связаны одной историей.

Казалось, их общее прошлое интересует её меньше.

— Что…

Жун Хэн вопросительно посмотрел на нее.

— Я хочу у вас кое-что спросить. Мой брат действительно погиб в бою? — спросила Сун Юйань.

Выражение лица Жун Хэна слегка изменилось. Он бессознательно сжал руки, но ему потребовалось всего несколько секунд, чтобы успокоиться. Он спросил ее с растерянным выражением лица:

— Вы помните?

Сун Юйань покачала головой. Конечно, она ничего не помнила. Она сомневалась в достоверности сна, но была слишком смущена, чтобы сказать Жун Хэну правду, думая, что это покажется глупостью.

Она задумалась и неопределенно сказала:

— Я чувствую, что у меня был настолько важный человек. Жун Тин как-то сказал мне, что у меня есть брат и что он… — она сделала паузу с выражением борьбы на лице, — что он погиб на войне. Когда я услышала это, мне стало очень не по себе, и у меня едва не перехватило дыхание. Вот я и хотела вас спросить, но вы ничего не помните. Кажется, спрашивать вас об этом бессмысленно.

Она хотела узнать об этом больше.

Он действительно погиб на поле боя? Если этот старший брат действительно был таким, как во сне, ей было бы трудно выкинуть из головы настолько заботливого человека.

Пусть долгом генерала было вести за собой войска на поле боя, менее трагичной его судьба от этого не становилась. Если он действительно отправился на поле битвы, чтобы поддержать ее, и в конце концов пал в бою, она действительно… ах! Она чувствовала себя ужасно, думая об этом.

Больше всего на свете она хотела знать ответ на этот вопрос

Жун Хэн с улыбкой сказал:

— Да, я ничего не помню. Мне очень жаль, я не могу ответить на ваш вопрос.

— Всё в порядке, — Сун Юйань помахала ему рукой. – Ну, тогда до свиданья.

— До свидания.

Жун Хэн отвернулся, выпрямив спину, и направился к машине. Как только он отвернулся,

улыбка исчезла с его губ. Выражение его лица было мрачным, и казалось, будто воздух вокруг него стал холоднее, чем эта зима.

http://tl.rulate.ru/book/32429/2279390